

Перевод и анализ произведения «Чудная баба» Нины Николаевны Садур

Нона, Ivana

Master's thesis / Diplomski rad

2015

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:314274>

Rights / Prava: [In copyright](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2021-03-09**

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Diplomski rad

Перевод и анализ произведения «Чудная баба» Нины Николаевны

Садур

student: Ivana Homa
mentor: dr. sc. Danijela Lugarić Vukas
ak. god.: 2014./2015.

Zagreb, 30. kolovoza 2015.

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Diplomski rad

*Translation and analysis of the piece The Marvelous Old Woman by Nina
Sadur*

student: Ivana Homa
mentor: dr. sc. Danijela Lugarić Vukas
ak. god.: 2014./2015.

Zagreb, 30. kolovoza 2015.

Содержание

1.	Введение.....	1
2.	Мир Нины Николаевны Садур	2
3.	Анализ перевода и пьесы « <i>Чудная баба</i> »	6
4.	Перевод пьесы Н. Садур « <i>Чудная баба</i> »	14
5.	Заключение.....	36
	Используемая литература.....	37

1. Введение

Темой дипломной работы я решила сделать перевод литературного произведения с русского языка. Так как в своем высшем учебном заведении я выбрала направление переводчик, мне кажется, что данная тема будет наиболее подходящей и станет хорошей практикой для моей будущей профессии. Я долго не могла решить, произведение какого автора взять в качестве первоисточника. Мой руководитель порекомендовала использовать произведения современного российского драматурга Нины Николаевны Садур. Перевод и анализ произведения Н.Н. Садур показал правильность выбора, так как литературные романы и пьесы данного автора на хорватский язык не переводились. Поэтому я выбрала одну из первых пьес автора - «*Чудная баба*», которая была создана в 1981 году, и практически сразу принесла Садур известность в театральных кругах. Мне очень нравится стиль изложения автора. Произведение заставляет читателя задуматься о ценностях, многогранности жизни с первых же строк. Сюжет пьесы является сплетением мистики с обыденной жизнью «маленького» человека, на которого ложится ответственность за сохранность мира. Данная дипломная работа разделена на три части: в первой идет знакомство с автором, ее жизнью, произведениях и образе мышления; во второй, анализ пьесы «*Чудная баба*» и перевода; в третьей части сам перевод пьесы.

2. Мир Нины Николаевны Садур

Нина Николаевна Садур родилась 15 октября 1950 года в Новосибирске. Ее отец был поэтом, а мать учительницей русского языка и литературы в вечерней школе. По окончании школы она поступила в Новосибирское отделение Московского института культуры, параллельно работая в библиотеке и занимаясь в литобъединении местной писательской организации. Творческую деятельность Садур начала в конце 70-х годов. Первая ее публикация состоялась в журнале *«Сибирские огни»* в 1977 году. Во время поездки на семинар молодых драматургов в Дубулте, она познакомилась с драматургом В.С. Розовым. Он заметил ее талант и помог донести свои произведения публике. При переезде в Москву Н.Н. Садур поступила в Литературный институт, где она слушала лекции В.С. Розова и И.Л. Вишневской. Литературный институт окончила в 1983 году. У Садур была нелегкая жизнь, в это время она жила с матерью в коммуналке. У нее родилась дочь. Из-за отсутствия постоянной работы, приходилось подрабатывать уборщицей в театре им. Пушкина. Жизнь в коммуналке в течение многих лет наложила значительный отпечаток на ее внутренний мир, который в дальнейшем отражался в сюжетах ее произведений.

Литературным труд, который принес Садур успех и известность в театральных кругах, была пьеса *«Чудная баба»* (1981). Восемидесятые года стали для нее временем активной творческой деятельности. В эти года она написала ряд пьес: *«Уличная ласточка»* (1982), *«Ехай, Заря взойдет»* (1983), *«Сила волос»* (1984), *«Панночка»* (1986), *«Нос»* (1986), *«Замерзли»* (1987).

Садур стала одним из ведущих современных российских драматургов, но пьесы ее распространялись только в рукописях или печатались небольшими тиражами. Ее первым тиражным изданием стала пьеса *«Чудная баба»* в 1989 году с послесловием В. Розова. Она пишет пьесы и по романам других авторов, *«Соборяне»*, по одноименному роману Н.С.Лескова (поставлена в Театре Вахтангова), а по мотивам Н.В.Гоголя написаны пьесы *«Брат Чичиков»* и *«Панночка»*. В 1994 вышла в свет первая книга прозы *«Ведьмины слезки»*. Сборник *«Сад»* вышел в 1997 году, а в 2000 – *«Чудесные знаки спасенья»* (Скатов, 2005: 257).

Мир Нины Садур очень необыкновенный, он одновременно кажется реальным и фантастическим. В ее произведениях всегда есть какой-то мотив инфернальных (демонических) сил, мир кажется многогранным. Она создаёт «некий новый

драматургический жанр, в котором удается соединить несоединимое - реальность и фантастику во вкусе абсурдистов, гротеск и тонкий лиризм, бытовую драму и философскую притчу» (там же: 258).

О Нине Садур говорят, как об одном из самых загадочных писателей нашего времени. Литературоведы до сих пор обсуждают, к какому жанру отнести ее произведения, в них есть абсурдизм, постмодернизм, авангардизм, но кажется что самая главная особенность – это гностический опыт познания мира. Мы можем определить изображение трансцендентного, возвышенного, идеального и всемогущего Бога, но есть и негативное восприятие материи, как воплощения и источника зла, которое влияет на человека и порабощает его. Сама Садур говорит о художественном консерватизме: «...литературный консерватизм объясняет тематические пристрастия драматурга: В искусстве, безусловно, есть всего две темы: взаимоотношения мужчины и женщины и взаимоотношения человека и Бога. Других тем нет. Все остальное - сюжеты.» (Ульченко, 2003).

Большинство героев Нины Садур – женщины. Советский Союз был тоталитарной и патриархальной системой, в которой, женщины были обязаны работать, из-за экономических потребностей, а также самостоятельно вели домашнее хозяйство и воспитывали детей. На протяжении многих лет женщины - это домохозяйки, которые жертвуют собой ради семьи. С приходом периода гласности, который начал в середине 1980-х, русские женщины пользуются увеличением свобод, особенно в литературе, так как уменьшилась цензура. С изменениями гласности осуществляется «поиска современной женщины для ее места в жизни» (Zekulin 33). Мотив материнства всегда играл важную роль в русской культуре. Основание для этих убеждения вытекает из нескольких источников, в том числе российской концепции нации как «Мать Россия», «Родина Мать», «Земля матушка» обхождение к матерях в литературе, и демографический кризис русского народа от 1960-их годов.

Садур представляет своих женщин-героинь в различных ситуациях – в окружении пустоты, грусти, холода, равнодушия, мстительности, пассивности, страстей. Она изображает их ежедневные житейскими проблемами и конфликтами. Кажется, что в описаниях российской повседневности проявляются автобиографические элементы, особенно при описании жизни в коммуналке. Герои Садур - обыкновенные люди, в которых мы можем легко увидеть себя и сочувствуем им в их жизненных ситуациях и проблемах. Автор ставит своего героя в экзистенциальную ситуацию – это в основном проблематика литературного процесса XX века, которая, безусловно, получила

отражение в ее художественной концепции творчества. Среда, в которой герои находится, нам известна, особенно русскими, это: коммуналки, театр, обычные поля...

Так в пьесе «Замерзли» главными героями являются глухая Лейла, которую отец терроризировал, и Надя, которую мать пренебрегает. Девочки работают уборщицами в театре. Вокруг - зима, холод, снег, бедность... Они реальные герои в реальном мире, а фантастическую атмосферу Садур добавляет историей, что однажды театр прокляла актриса.

В романе «*Чудесные знаки спасения*» главная героиня Нина рассказывает о своей жизни в грязной коммуналке и думает о рок-звезде Саше, прототипом которого стал рок-поэт Александра Башлачева. Тем самым Садур совершает попытку рассмотреть творческую судьбу поэта и причину его смерти. Герой и прототип оба Саши, оба музыканты, и носят колокольчики на шеях, оба имеют плохие зубы и оба играют на гитаре, пока их пальцы не кровавые. Возможно, самое главное - способ как они встретили свою смерть, оба прыгая из окна: Саша прыгает с восьмого этажа, а Башлачев - с девятого. Автор показывает смерть Саши по личной причине, в то время как все говорят, что он решил «похабно убится». Таким образом, мы имеем две совершенно разные, но не обязательно противоречивые, причины смерти Башлачева. Обещание Башлачева вернуться, если его забудут, звучит в тексте Садур, когда она говорит о его возвращении и упоминает, что забыла, что он когда-то пел. Произведение Садур можно рассматривать как предположение случая, в котором Башлачев выполняет свое обещание вернуться. Автор стремится противопоставить Сашу против уродства, которое существует в мире. В виде коммуналки со злыми соседями по имени Сальмонелла и Жопа. После второго самоубийства Саши, героиню Нину начала посещать большая собака во дворе под ее окном. Эта собака принимает характеристики серого волка из русских сказок. Она считает, что этот волк может отвезти ее к Саше, если бы она прыгнет на его спину. (Collory, Qualin, 2007)

Литературные произведения Нины Садур пропитаны гоголевскими мотивам. Когда ее спросили: «почему именно Гоголь?», Садур отвечает, «Я живу рядом с домом, где Гоголь сжег второй том *«Мертвых души»* и умер. Я живу рядом с Андреевским памятником Гоголю. Я не нарочно там живу. Мне так выпало. Я не понимаю сути вопроса. Это все равно, что спросить, почему я люблю дышать воздухом? Мне так выпало.» (Логвинова, 2010).

По мотивам поэмы *«Мертвые души»* написанная пьеса *«Брат Чичиков»*, а по мотивам повести *«Вий»* - пьеса *«Панночка»*. Хома Брут в повести Гоголя - только

персонаж, который, по стечению обстоятельств попал в церковь и стал жертвой демонического существа, он погиб, потому что не смог удерживаться и глянул, он становится бессильным перед абсурдом жизни. Гоголь заставил нас задуматься о жизни и человеческой природы. Брут в повести открывает мир в пути, имеем образ пути как странствия, путешествия, пребывания среди чужих, в то время как у Брута в пьесе развивается иная концепция героя. Садур от Хомы Брута к концу пьесы сделала героя, он ссорится со злом и идет в бой. Лотман описывает персонажи Гоголя как героев «автоматического мира», «не имеющий своего лица, своего дела, своей внутренней организации» (Лотман, 1988: 281), а в пьесе Садур мы имеем героя, который «постепенно осознает личную ответственность за судьбу мироздания и совершает сознательный выбор» (Мещанский, 2010). В пьесе «Панночка» изображена дуалистическая концепция мира: жизнь - смерть, создание - разрушение, Бог - черт. Здесь имеем и отношение Брут - панночка (черт). Двойственная сущность пьесы отражается и в речевой организации произведения. Диалоги часто «выстраиваются по принципу словесного отражения - реплики персонажей представляют собой инверсные конструкции» (Там же).

В персонажах литературных произведений Нины Садур всегда есть какой-то внутренний конфликт, экзистенциальные тревоги, это люди с больным воображением, а она сама говорит, что ей «всегда нравились ущербные люди. А что я могу сказать о здоровяках? Собственно, их и нет сейчас. Ущербность - это несовпадение с реальностью, но всегда ли следует с ней совпадать в мире, где сознание давно сдвинулось?» (Там же).

3. Анализ перевода пьесы *Чудная баба*

Пьеса «*Чудная баба*» Нины Садур написанная в Москве, в 1981 году, когда Садур училась в Литературном институте. Это на самом деле цикл из двух пьес «*Чудная баба*» и «*Группа товарищей*». Первым поставил пьесу режиссер Студенческого театра МГУ Е.Славутин. За ним последовали Ленком, Театр им. Ермоловой и «Бенефис». С течением времени география премьер все больше расширялась (Вильнюс, Тбилиси и др.) (Драматургия, 2014). Вскоре после этого, Садур стала известной и за рубежом. Мы до сих пор не можем определить жанр данной пьесы, потому что Нину Садур очень трудно сопоставить с существующими жанрами литературы. Она в своем творчестве объединяет реальность и мистику, как она говорит -«русскую народную галлюцинацию» (Алексеева, 1993). Хотя она это сказала комично, это очень хорошо описывает ее стиль, ее произведения проникнуты русскими героями и культурой, народным мотивам и мифам. Пьеса написана в дуалистической концепции, как и много ее произведений, имеем сопротивления добро - зло, реальность - симулякр, город – природа, гниль - цветение. Эта борьба живого и мертвого, как темного и светлого начала в мире, божественного и дьявольского, становится конструктивным принципом.

Нина Садур пишет свои произведения на простом языке, который мы пользуем в повседневной жизни - синтаксис и морфология устной речи, незаконченные предложения, восклицательные и вопросительные предложения, разговорный язык. Для перевода я выбрала пьесу, которая как жанр сама по себе не особенно трудна, потому что она, как произведение драматургии, в основном включает диалоги и сценические ремарки. Перевод пьесы был нетрудный, так как Садур пользуется короткими предложениями и словам, которые часто имеют тот же корень в хорватском языке. По крайней мере, я пыталась использовать тот же корень в переводе, где это было возможно. Например, героиня «Баба» имеет фамилию *Убиенько*, это ответ на вопрос «Кто ты?», в переводе использовано слово *Ubijenko*, от корня убить/*ubiti*, это буквальный перевод и звучит хорошо на обоих языках. В отличие от перевода прозы, который содержит описания мест, персонажей и их мысли, пьеса, содержит только несколько предложений, чтобы описать окружающую среду и персонажей. Сценические ремарки, в пьесы Садур, содержат главным образом эмоции, при необходимости и жесты. Описания персонажей в целом не имеет, кроме описания Бабы, а описание окружающей среды указаны не более двух предложений. Действие пьесы происходит в российской глубинке, в совхозе, надо

отметить, что в Хорватии такой вид собственности не применяется, это просто *državno poljoprivredno dobro* или заимствование *sovhoz*. В переводе использовано заимствованное слово *sovhoz*. Также используется слово *совхозники*, которое в переводе то же самое *sovhoznici*, но с учетом фонетического изменения, которое происходит в хорватском языке.

Первая сцена, которую мы видим, Лидия Петровна заблудилась на картофельном поле. Она обычная женщина, замужем, имеет двое детей, работает в конструкторском бюро. Ее с группой товарищей направили в совхоз на уборку картофеля, она заблудилась и поэтому в замешательстве, но потом увидела *бабу* и начала кричат. Как мы видим пьеса начинается мотивом блуждания, широко распространенным в народной культуре и имеющим символический смысл: «блуждать, заблудиться – действие и состояние, связанное с вмешательством нечистой силы» (Толстой, 1995: 355-356). Пьеса пронизана символами и мифам. На первый взгляд *баба* кажется сумасшедшей, но постепенно мы обнаруживаем, что ее каждый поступок обдуман и имеет свои корни в славянской мифологии. Даже картофель имеет мысл в славянской мифологии - «Картофель – культура, известная славянам с конца XVII в. Долгое время картофель считался растением «чужим», «нечистым», дьявольским; лишь в XIX веке вошел в повседневный обиход. Ряд названий картофеля мотивирован негативным отношением к нему как к иноземной культуре: рус. погань, чертово яблоко. Иногда происхождение картофеля связывается с борьбой между Богом и Дьяволом» (там же).

Лидии поначалу не обращает внимание, что старуха откуда-то появилась рядом с ней, она пытается завязать разговор, спрашивая у нее помощи, а в конце думает, что *баба* сумасшедшая. Но Баба дает странные ответы и говорит странные вещи. А когда Лидия сказала, что она уедет домой в город, то Баба просто сказала, «Не уедешь...», на вопрос «Где ты живешь?» она отвечает «Везде!», на вопрос «Ну и как тебя звать?», «Убиенько.» (Садур, 2010). Через простые предложения и половинчатые ответы Бабы, Садур удалось создать вокруг ей мистику и страх. Символ *бабы* в славянской мифологии связан со злом, «В период христианства всем языческим богам, в том числе и оберегавшим людей (берегиням), придавались злые, демонические черты, уродливость внешнего вида и характера.» (Kaysarov, 1993: 84). Лидия, гражданка, переживает сострадание к ней, считая ее беднягой, которая ходит босиком, но в народной мифологии и мотив голых ног связывается с нечистыми силами (Толстой, 1995: 355-356). Баба часто меняет настроение, поначалу льстит, затем обижается, сердится, поет. Она дикая и непредсказуемая, а когда сердится, Лидию «потянуло»:

Лидия Петровна: Что ты так смотришь на меня, милая?

Баба (сердито): Я сказала, зови тетенька!

Лидия Петровна. Ну как я могу тебя так звать, когда мы почти ровесницы.

Баба (орет): Тетенькой зови!

Лидия Петровна (опасливо): Ну хорошо, не ругайся... тетенька... ой, что это?

Остановилась, схватившись за сердце.

Баба (понимающе): Потянуло?

Лидия Петровна: Что? Ну да, как-то потянуло... неприятное чувство.

Баба (скачет по буграм и рытвинам): Потянуло! Потянуло! Нашу Лиду потянуло! (Садур, 2010)

В первой части пьесы, *Поле*, особенно интересны перепады настроения, которые проявляет Баба и эмоции, которые ощущает Лидия Петровна. Ниже приведены некоторые примеры переводов эмоций, выраженных в ремарках. При первой встрече Лидии и Бабы, на поле, баба Баба говорит *радостно/radosno*, *скачет/skakuće*, *хихикает/hihoće*, смотрит на Лидию *искоса/poprijeko*, *стыдливо/stidljivo*, *испытующе/pronicljivo*. Баба смеется, а Лидия смотрит на ее *с жалостью/sa sažaljenjem*, *растроганно/ganuto*, *неволью смеясь/nevoljko se smije*. Перепады настроения Бабы, происходят быстро, в одном моменте она говорит *сердито/ljutito*, в другом моменте *поет дикую песню/pjeva divlju pjesmi*, *скачет/skače*, а когда Лидия *остановилась, схватившись за сердце*, говорит *ликуя/likujući*. *Потянуло*, в переводе *stegnulo*, кажется что это лучше всего подходит на хорватском языке, в контексте сердца, т.к. есть фраза *steže mi se srce*. Печаль и сожаление Лидии, скоро превращаются в удивление и раздражение. Также интересны различные характеристики, которыми Лидия дает Бабе. Изначально это *бедная/jadnica*, *милая/draga toja*, *птичка божия/ptičica božija*. Птичка божия - известная привязка к поэме *Цыганы*, А.С. Пушкина, это избитая фраза «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда...». Лидия постепенно присваивает Бабе негативные черты характера - *совсем ненормальная/uopće nije normalna*, *тяжелая/teška*, *сумасшедшая/luda*, *дурная баба/loša žena*, *ведьма/vještica*, *колдовка/vračara*, *дикая баба/divlja žena*, *цыпленок синюшный/pile cijanozno...* Кроме фамилии Убиенько Баба называется «тетенькой», «березой» и «злом мира». Баба знает заранее имя Лидии, кроме этого называет ее *добренькая/dobrica*, *балда/tuka*, *царица/carica*, *королева ты моя/toja kraljica*, *умница/pametnica*, *сердечко ты мое красненькое, ясочка/ srčekò si toje krasno, dušice*. Учитывая, что почти во всех

произведениях Нины Садур главные героини женщины, интересно обратить внимание на то, как Садур относиться к ним. Кроме выше указанных примеров - *молодая девушка/mlada djevojka*, *зловредное создание/zlonamjerno stvorenje*, *zla*, *maloumna žena koja riši/ злая, неумная, несчастная, курящая женщина, такая разумная, солидная, уверенная в себе женщина /tako razumna, čvrsta, samouvjerenana žena, такая юная, милая, капризная /tako mladi, slatki, hiroviti...*

Лидия Петровна и Баба антиподы, одна представляет добро, другая зло, город и природу, жизнь и смерть. Лидия показывает недовольство системой, сострадание к людям, в то время как баба расширяет ужасы только от скуки. Баба предлагает Лидии игру в догонялки, если бы она поймала ее, наступит рай на земле, если нет –конец света.

Баба: Открываю тайну. Ахтунг, ахтунг, лиссн ту ми, слушай сюда! Я зло мира! Ура!

Лидия Петровна: Да какое ж ты зло мира! Ты вон - цыпленок синюшный.

Баба: Молчи, дура-а-а!! Че ты понимаешь! Че ты понимаешь!

Баба носится по полю, швыряя картошкой в Лидию Петровну.

Лидия Петровна: Эй, эй, не хулигань, ты что!

Баба (подходит к ней): Запыхалась. Значит так. Расклад такой. Я - убегаю. Ты - догоняешь. Поймаешь - рай, не поймаешь - конец всему свету. Сечешь?

Лидия Петровна: Секу.

Баба: Ну - лови! (*Отбегает.*) Ну? Ты че? Лови!

Лидия Петровна: Ну хорошо. Я понимаю. В принципе. Нас послали на картошку. Наше КБ. Коллектив товарищей. Я опоздала. Заблудилась. Иду. Встречаю бабу с голыми ногами. Она - зло мира. Если поймаю ее - наступит рай на земле... (*Озирается.*) Как по-прежнему странно устроен человек. Я не верю, что она - зло мира, но я... но я на всякий случай ее поймаю... (там же)

Лидия здесь несет ответственность за свой выбор и результат, так как от этого зависит судьба людей. Баба имеет примитивный взгляд на мир, верит в миф о земле, плавающей в океане на трех китах, и постепенно привлекает Лидию в своих ритуалах. «Бег является формой ритуального поведения, наделяемой в народных традициях магическими свойствами изгнания мора, болезней, нечистой силы и содействия росту, созреванию, здоровью. В фольклоре известен мотив погони нечистой силы за человеком.

В пьесе обряд, воплощающий борьбу добра и зла, которые друг без друга не могут существовать...» (Воробьёва, 2015).

Вскоре после этого, Лидия попадет в яму, которую яко-бы сделала Баба, чтобы спасти Лидию и остальных людей от смерти. Яма является ключевым моментом в истории для Лидии, т.к она уже изменилась и начала по новому смотреть на свою жизнь и на быт в целом. «Таким образом, яма, раздвинувшаяся до масштабов Вселенной, с одной стороны, ассоциируется с пространством смерти, с другой – предстает местом спасения, оберегом от враждебного человеку неистинного мира. Не случайно и упоминание соломы, которая в славянской мифологии частый компонент родного и погребального обряда: жизнь начиналась и кончалась на соломе.» (там же). На голову Лидию, которая начала выбраться из ямы, падает молодая земля, при этом Баба говорит, что земля молодая, потому что мир является новым, земля «...опять новенькая, гладенькая, как яблочко наливное, как кожица ребячья.» (Садур, 2010). В пьесе мы смотрим на события, как до и «после картошки» (там же), на самом деле, это до и после ямы. После событий в яме, Лидия называет Бабу *какое-то явление природы/nekakva prirodna pojava, чертова баба/vražja žena, гадина/otrovnica, ты не настоящий человек/ti nisi prava osoba...* Когда Лидия поняла, что она осталась одна в мире, говорит, что не хочет дольше жить и бабушка ей обещает, что все еще там, но как муляжи, и что Лидии не надо слишком долго глядеть им в глаза. «Лида, Лида, ты им в глаза не гляди долго.» (там же). Это последнее предложение первой драмы, оно оставляет нас в состоянии шока и в ожидании продолжения авантюры Лидии.

Садур создает свои мифы, подчеркивая те элементы, которые имеют тесную связь с Землей и природой. Земля, по общеславянской традиции, является символом материнства и женского начала. Принимая в себя семена, Земля беременеет и даёт новый урожай, она всеобщая Мать и кормилица: живых питает, а мёртвых к себе принимает. Известное в русских фольклорных текстах и фразеологии выражение «Мать — Сыра Земля», это было божество, которое не было представлено в качестве человеческой формы, обозначало, прежде всего, землю. В России, после 988 года, был период так называемого двуверия, поклонялись и языческим богам одновременно Христу и христианским святым. Функции матери богини позже были переданы Божией Матери. Для народно-христианской традиции характерны поверья о том, что Земля закрывается в дни «бабьего лета», на такие дни по отношению к Земле соблюдались многочисленные запреты: нельзя было копать, пахать, бороновать, забивать колья, бить по Земле. Баба имеет такое отношение к земле, а Лидия в конце пьесы называет землю сырой - «Я одна,

только я лежу в сырой, глубокой земле, а мир цветет, счастливый, счастливый, живой!» (Там же). Как мы знаем, эта концепция связана с древнейшей религией - анимизмом, согласно, которому все вещи, которые окружают человека - одухотворённые и божественные. (Kakaševski, 2007)

Во второй части пьесы, которая называется *Группа товарищей*, у нас есть возможность посмотреть отношения между Лидией и ее коллегам по работе. Ремарки содержит их чувства друг к другу, и их чувства по поводу самого существа. В офисе, ситуация напряженная еще до прихода Лидии, персонажи уже обсуждают смысл бытия. Лидия сразу говорит *пристально/napeto*, и это обсуждение о жизни их, в конце, отвлекает от работы. Интересное и отношение Лидии Петровны и Александра Ивановича. Они обращаются друг к другу *ласково/nježno*, *приближается/približava se*, другие коллеги оставляют их одних, очевидно, что они испытывают чувствуют друг к другу. Лидия честно признается, что она его любит. Интересны и некоторые термины, которые используются для описания муляжей. Слово *муляж*, переведено как *korija*, казалось что это лучше соответствует разговорном языке, чем слово *simulanti*, в переводе. Также используются и слова *чучело/strašilo*, *макет/maketa*, *которых нет/kojih nema*, *чудовище/čudovište...*

Действие второй части пьесы, *Группа товарищей*, происходит в этом другом мире, после картошки, в конструкторском бюро Лидии Петровны. В переводе *конструкторское бюро – razvojni ured*, казалось, что это четкий перевод, потому что *konstruktorski biro* в хорватском языке редко используется. В отличие от первой части, действие происходит в закрытом пространстве, где мы можем в полной мере сосредоточиться на персонажах и их отношения. Лидия входит в офис, в то время, когда Оля переоценивает смысл жизни: «Лидия Петровна, зачем мы живем?» (там же). Она рассказывает, что случайно подумала об этом, и всю ночь проплакала. Может быть, что она действительно потеряла смысл своей жизни и что она живет сейчас только для Лидии? Оля выглядит как беспечная, молодая девушка, ей скучно, может быть, что это только описывает ее, как эмоционально неустойчивого человека? В протяжении второй части, *Группа товарищей*, Садур заставляет нас пересмотреть новый симулякр, который она создала, заставляя и персонажей и читателя оценить реальность мира. Персонажи в протяжении пьесы, пытаются доказать, что они существуют, и думают о том, как доказать человечность. Персонажи водят комический диалог с игры словам, среди которых самая важная «быть».

Александр Иванович: Я не понимаю вас.

Лидия Петровна: Мне все равно. Вы даже уволить меня не сможете, потому что вас нет, понимаете?

Александр Иванович: Я вас не понимаю.

Лидия Петровна: В том-то весь и ужас. Если б вы понимали меня, вы бы были.

Александр Иванович: Это... это романтизм какой-то. Объяснитесь, пожалуйста.

Лидия Петровна: Что я могу вам сказать, если вас больше нет.

Александр Иванович: Да что же это, в самом деле... Сначала Оля, потом вы.

Лидия Петровна: Оли тоже нет.

Александр Иванович (осененно): А-а... бедная, бедная...

Лидия Петровна (раздраженно): Что бедная, что бедная? Вы думаете, я сошла с ума?

Александр Иванович: Да.

Лидия Петровна: Это самое легкое!

Александр Иванович: А что я должен думать?

Лидия Петровна: Докажите мне, что вы есть. (там же)

Лидия сообщила коллегам, что с ней случилось, и одного за другим заставляет их, чтобы они доказали, что они люди, а не муляжи. В этой абсурдной ситуации, Александр Иванович как доказательство дает свою кровь, он порезал палец. Это настоящее физическое доказательство. Гена Ескин в качестве доказательства признался, что украл кошелек у Лиди. «Если идти по принципу стыдных признаний, если они служат доказательством...» (там же). Гена раскаялся и как доказательство показал свою сущность. Оля просто уверена, что она есть, т.к. у нее есть эмоции. Елена, кажется, не заинтересована в дискуссии, в конце убеждает Лидию, что она и есть муляж. Лидия убегает, счастливая, до момента появления скорой помощи, которую вызвал Александр Иванович, потому что он думал, что она сошла с ума. Кажется, что все закончено, но на телефонный звонок отвечает Елена Максимовна. Баба просит Лидию и чулочки. «Здесь имеем Гоголевский мотив «миражности жизни», немой сценой, прерванной тревожным телефонным звонком прямо в конструкторское бюро из иной, трансцендентной реальности. Исследователи неоднократно отмечали прием симметрии, свойственный пьесам Нины Садур, когда развязка исходного противоречия преобразуется в завязку другой конфликтной ситуации, аналогичной первой, но с другим героем.» (Воробьева,

2015). С ее простым и легким выражением, ее пьеса побуждает нас к мыслям о глубоких вещах, таких как космос, люди, жизнь и самое существо.

4. Перевод пьесы Нины Садур *Чудная баба*

ČUDESNA ŽENA

(kazališni komad u dva dijela)

POLJE

(Prvi dio)

GLUMCI:

Lidija Petrovna.

Žena.

Sovhozno¹ polje krumpira. U daljini je žuti šumarak. Sivo nebo. Hladno. Jednoliko. Pusto. Po polju luta Lidija Petrovna. Poslali su ju s grupom prijatelja na berbu krumpira. Ona se izgubila.

Lidija Petrovna: Pa... Pa što je to... Nogu ću slomiti. Ovdje se ne može hodati. Kako su objasnili, sve je ravno, ravno... Ovdje je sve ravno, a nikoga nema. Gdje su svi nestali? *(više)* Prijatelji! Aleksandr Ivanovič! *(Utihnula je)* Glupo je vikati na golom polju. A možda je to neko drugo polje? Naše je krumpirovo.

(Podiže krumpir.) Ovo je također krumpirovo. Jao-joj-joj-joj tko to tako drži krumpir, on će strunuti, jadan...

Odjednom Lidija Petrovna zamjećuje Ženu koja već neko vrijeme skakuće pored nje po grbama i brazdama.

Lidija Petrovna: Oh! Građanka... e... ženo, ženo! Pričekajte! Stanite! Vi ste mještanka, zar ne? Oh, ja ne mogu, ja sam tako sretna, otkuda ste došli? Izgubila sam se tu, kod vas. Recite, molim vas, kako da dođem na treću parcelu... Ovo nije treća parcela, zar ne? Tu se ne možeš snaći. Zbog nečega ovdje nema ljudi.

Žena: Ti si tu.

Lidija Petrovna *(blago zaprepašteno)*: Ja? Pa, da. Želim vas pitati... Kako doći do treće parcele. Poslali su nas brati... Kasnim, svi naši su otišli... A nitko ne govori, preplašili su me. Pa, zašto vi šutite? Ne znam kako vas zovu?

Žena: Zovi me teta.

¹ Sovjetsko poljoprivredno dobro

Lidija Petrovna (*nakon pauze*): Eto. Treba mi treća parcela. Gdje je to?

Žena: A tamo! (*Maše rukom negdje.*)

Lidija Petrovna: Gdje je "tamo"? Ne razumijem.

Žena hihoće.

Vi ste neki čudni... sovhoznici. Želite da vam krumpir beremo? Zašto se vi smijete? Nisam vam se nametala.

Ide. Žena hoda pored, hihoće.

Idem li dobro, tu?

Žena (*radosno*): Tu! Tu!

Lidija Petrovna: Kakav užas. Uvjete nam nisu stvorili, blagovaonica je užasna, strašno je ući. Raspoloženje je nikakvo, hladno je, prljavo. Naše djevojke... Oh... Vaše noge su gole. Vi ćete se prehladiti. Ne možete u gumenim čizmama, bez čarapa... Ja ne znam, potpuni užas.

Žena (*kroz jecaj*): Dobrica.

Lidija Petrovna: A što vi, zapravo, zar je moguće da vi nemate čarape?

Žena: Nemam.

Lidija Petrovna: Kako nemate? Sada je listopad. Ne razumijem. Govorim vam kao žena, vi ćete se prehladiti, što vi mislite da je šala biti golih nogu u listopadu?

Žena je gleda poprijeko, sramežljivo, pronicljivo.

Pa, ako hoćete, ja ću vam dati... dat ću čarape... Samo što je to vrlo čudno.

Žena: Hoću.

Lidija Petrovna: Pa, ne odmah! Nemam rezervnih kod sebe.

Žena: Sada!

Lidija Petrovna: Kako to?

Žena se smije.

(*Pogledava u Ženu sa sažaljenjem.*) Ah, evo što sad... jadnica... ti si takva... A tako brzo i neprimjetno lice ti je kao, normalno... malo tko vas razumije sirotice. Pa što sad, nitko te ne pazi, ne brine? Imaš li koga svoga?

Žena: Tebe.

Lidija Petrovna (*ganuto*): Što ti je draga moja... Ja ću otići, grad, imam obitelj, posao.

Dopustite mi da vam popravim rupčić. (*popravlja.*) Eto. Puše li ti? Propuhuje?

Žena: Nećeš otići...

Lidija Petrovna: I čarape ću vam dati, ti dođi u blagovaonicu za ručak, ja ću ih donijeti.

Hoćete li doći?

Žena kima glavom oblizujući usne.

I gladna si pretpostavljam. Hoćeš li jesti?

Žena: Hoću.

Lidija Petrovna: No, što je to? Tebe ne hrane, ili što? Vjerojatno živiš u nekakvom utočištu.

Postoji li tu kod vas nešto za takve kao što si ti? Gdje ti živiš?

Žena (*smije se lako i sretno*): Posvuda!

Lidija Petrovna (*nevoljko se smije*): Oh, ptičice božja... ništa ti ne moraš, hladnoću ne osjećaš, glad ne razumiješ...

Žena: Ja tebe trebam.

Lidija Petrovna: Ja ću vam dati čarape. Imam dobre, vunene, sasvim nove. Jednom obuvene.

Koje je tvoje ime? Znaš li uopće svoje ime?

Žena: Znam.

Lidija Petrovna: Pa, kako ti je ime?

Žena: Ubijenko.

Lidija Petrovna (*nakon pauze*): Čudno prezime. Ukrajinsko, ili što? Pa, gdje je treća parcela? Ići ću na cestu.

Idu. Žena pogledava znatiželjno na nju.

Što me tako gledaš, dušo?

Žena (*ljutito*): Rekla sam da me zoveš teta!

Lidija Petrovna: Pa, kako te mogu tako zvati kada smo gotovo iste dobi.

Žena (*više*): Teta me zovi!

Lidija Petrovna (*oprezno*): Pa dobro, ne ljuti se... Teta... Oh, što je to?

Zaustavila se, držeći se za srce.

Žena (*s razumijevanjem*): Stegnulo te?

Lidija Petrovna: Što? Pa da, nekako stegnulo... neugodan osjećaj.

Žena (*skače po humcima i brazdama*): Stegnulo! Stegnulo! Našu Lidu je stegnulo!

Lidija Petrovna (*tužno*): Uopće nije normalna. Još i skače! (*Začudeno.*) Kako si znala moje ime?

Žena ne odgovara, pjeva divlju pjesmu.

Vjerojatno je čula u blagovaonici. Što s njom, ona hoda, promatra ljude, blažena... Pa, gdje je ta cesta onda? Čini se da smo ju već trebali naći.

Žena (*pjevajući pjesmu*): Cesto, ti cesto, cestice, eh ti!

Lidija Petrovna (*više*): Umukni više! Ja ću poludjeti!

Žena (*hladnokrvno i autoritativno*): Nećeš.

Lidija Petrovna: Ti si čudna, jako čudna, teta, oh! (*Hvata se za srce.*)

Žena: Stegnulo?

Lidija Petrovna: Tko ste vi?

Žena: Ubijenko.

Lidija Petrovna: Kakva Ubijenko? Što je to - Ubijenko? Otkuda si se ti pojavila? Išla sam, tebe nije bilo. Ja bih te vidjela. Odmah si se pojavila. (*Uzmiče od Žene.*) Otkuda si se pojavila?

Žena: Odasvuda!

Lidija Petrovna (*iznenada*): Tuga nekakva!

Žena (*likujući*): Stegnulo! Stegnulo!

Lidija Petrovna: Što je to, što je sa mnom? Gdje je cesta, gdje je treća parcela? Gdje je barem Aleksandar? Gdje je nestala cesta?

Žena: Otišla je.

Lidija Petrovna: Gdje je otišla? Što ti pričaš?

Žena: Iščeznula. Ona se umorila. Koliko po njoj hodaju?

Lidija Petrovna: Cesta... umorila se... (*Sjedne na humak.*) Prehladit ću bubrege. Pa, ovo ne može biti! Ako idete negdje, svakako ćete doći. A ovo je polje beskonačno.

Žena: Ja ću te odvesti.

Lidija Petrovna: Zašto?

Žena: A onako. Dobro je ovdje! Slobodno! Uh!

Lidija Petrovna: Da stvarno, ovdje je dobro... Samo nekako... nenormalno dobro.

Žena: Provest ću te malo, ha?

Lidija Petrovna: Ostavi me na miru.

Žena: Ja ću samo malo. Dobro je ovdje. Svjetlo.

Lidija Petrovna: Ne, neka pošalju mlade ljude u krumpir. Oni nemaju pravo, na kraju krajeva! Oni muče ljude.

Žena: Ja samo malo. Ja mučim samo malo, ha?

Lidija Petrovna: Kakva teška, luda, loša žena!

Žena (*bijesno*): Teta me zovi!

Lidija Petrovna: Ali zašto to?

Žena: Zvuči ljupko.

Lidija Petrovna: Ti vjerojatno misliš da si vještica? Vračara?

Žena: Ne ne, ne! Što ti je! Što ti je! Ne znam to.

Lidija Petrovna: Zašto se plašiš?

Žena (*tugaljivo*): Ja samo malo.

Lidija Petrovna: Zašto si mi se prilijepila? Što želiš?

Žena (*neodređeno*): Ti si vesela.

Lidija Petrovna: Ja sam vesela, ako stojim na ravnoj cesti, sa svojim prijateljima, a ovdje, u polju s tobom, divljom ženom, nisam vesela. Ona me vodi!

Žena: Pa, u redu. Idi, ako hoćeš. (*Skoči na visoki brežuljak.*) Dakle, tako, ravno, ravno, tamo, sve do tamo gdje vjetar stoji, vidiš?

Lidija Petrovna: Nitko tamo ne stoji.

Žena: Luda slijepa.

Lidija Petrovna: Noćna mora... još me i vrijeđa...

Žena: Stoji, sada će doći...

Zapuhao je vjetar.

Tamo ćeš proći, ustupio ti je put...

Lidija Petrovna: U redu, ja ću otići, samo ako je vjetar ustupio cestu.

Ide.

Žena (*iza nje*): Ja sam zlo svijeta!

Lidija Petrovna: Jao!

Žena: Evo požurila je, požurila! Ja sam žena koja ubije, svi se mene boje! Amerika se boji mene, svi, cijeli svijet! Samo se ti ne bojiš, zaostala.

Lidija se vraća.

Lidija Petrovna: Tu nema ničega.

Žena: Uplašila si se?

Lidija Petrovna: Tamo je šumarak bio. Daleko. Nestao je.

Žena: A ja sam govorila?

Lidija Petrovna: Slušaj, tko si ti?

Žena: Otkrit ću tajnu. Achtung, Achtung, listen to me, slušaj tu! Ja sam zlo svijeta! Hura!

Lidija Petrovna: Ma kakvo si ti zlo svijeta! Gubi se, pile cijanozno.

Žena: Šuti, budalo, ah! Što ti znaš! Što ti znaš!

Žena juri po polju, bacajući krumpir na Lidiju Petrovnu.

Lidija Petrovna: Ej, ej, ne huligani, što ti je!

Žena (*dolazi do nje*): Zadihala sam se. Znači tako. Dogovor je ovakav. Ja bježim. Ti hvataš. Uhvatiš me, raj, ne uhvatiš, kraj cijelog svijeta. Kopčaš?

Lidija Petrovna: Kopčam.

Žena: Pa, lovi! (*bježi.*) Pa? Što je? Lovi!

Lidija Petrovna: Oh, dobro. Ja razumijem. U principu. Poslali su nas u krumpir. Naš konstrukcijski ured. Zajednica prijatelja. Zakasnila sam. Izgubila se. Idem. Srela sam ženu s bosim nogama. Ona je zlo svijeta. Ako ju uhvatim, doći će raj na zemlji... (*pogledava uokolo.*) Kako je još uvijek neobično stvoren čovjek. Ja ne vjerujem da je ona zlo svijeta ali ja... ali ja ću je za svaki slučaj uhvatiti...

Žena: Ne brinite o poretku! Ti lovi! Hajde, Lida hajde!

Žena bježi. Lidija Petrovna ide za njom. Žena vrišti, hihoće divlje pjeva.

Lida, Lida, sada se ne zaustavljaj, do kraja lovice bez stanke, jer ćeš sve pogubiti cijeli svijet. Samo jedanput se i može loviti Liduška!

Žena se iznenada spotaknula i pala. Lidija ju je za tren uhvatila. Žena je podigla noge, odmahujući.

Ne diraj! Zaginut ćeš!

Lidija Petrovna (*odskočivši*): Joj!

Žena (*odmah je skočila, oštro*): Sve Lida.

Stoje, gledajući jedna drugu.

(*Pjeva*) Naša Lida se prepala i raja odrekla. Eh-he-ehe-he, Lida, baš si tuka!

Lidija Petrovna: Što želiš od mene?

Žena: Lida, ti bi sama strunula, kao krumpir u blatu, a svi bi cvali vječno, Lida, vječno, kao anđeli nebeski, kao jabučice, božji cvjetići. Eh ti, Lida!

Lidija Petrovna (*prikrada joj se*): Uхватit ću te!

Žena stoji nepomično.

Žena: Također, znaš, krivo mi je, koliko puta, koliko puta sam rekla - uhvati me! Koliko puta sam dopustila! Sama sam se podmetala. Misliš li da se ne bojim? Ta već bi umrla! A ja sam se junački podmetala. I ništa - živim!

Lidija je uhvatila Ženu.

Lidija Petrovna: Jesam te!

Žena: Oh! Zašto vrištiš kao luda! Oglušila sam!

Lidija Petrovna: Jesam te, otrovnicu! (*Trese Ženu kao travku.*)

Žena: Oh, oh, pusti me! To boli! Protresla si me cijelu!

Lidija Petrovna (*pušta Ženu*): Istina, što mi je... ja ću poludjeti. Bolesnu ženu lovim, samo što se ne prehladim, izgubila sam prijatelje...

Žena: Hajdemo jaukati? (*Rida.*) To je posmrtna jadikovka.

Lidija Petrovna: Što? Žao mi je, dušo. Ti dođi, ja ću ti dati čarape. A sada ću ići, moram ići, zbogom.

Žena: Dobro, tako će i biti. Padni u jamu.

Lidija pada u jamu. Ona se ne vidi.

(Prilazi jami.) Jesi se ozlijedila?

Lidija Petrovna *(Iz jame)*: Sada mi pomoz i zaći. Ozlijeđena sam.

Žena *(Sjeda na rub jame)*: Ti odmori, prigigni, tamo je slama nabacana, dobra slama, posebno za tebe sam ju nagrnula. Tamo, u uglu. Lezi malo. *(Smije se glasno, mašući nogama.)* Nemoj me za nožice hvatati, ja sam škakljiva! *(Padaju joj čizme u jamu.)* Vрати mi čizmu! Lida, vrati čizmu!

Lidija Petrovna *(iz jame)*: Neću ih vratiti dok me ne izvučeš odavde.

Žena: Što ti je, ja sam bosa!

Lidija Petrovna: Svejedno mi je!

Žena: Ozepst ću! Pa zemlja! Zima dolazi uskoro!

Lidija Petrovna: Izvuci me!

Žena: Ma pričekaj ti! Ovdje se sada takve stvari događaju! Čekaj Lida! Sama sam pomakla sve...

Lidija Petrovna: Ništa ja neću čekati.

Žena: Gdje se penješ? Gdje se ti guraš? Ne naslanjaj se na zid, pomaknut ćeš ga Lida! Zemlju ćeš pokrenuti! Li-da-a-a!

Zidovi jame se počinju razdvajati odmiču se u različitim smjerovima. Ženu nosi humak zemlje. Zidovi jame su se rastvorili proklizali kao ljuska oraha razotkrivši nježnu, ružičastu, mladu zemlju i Lidiju Petrovnu na njoj.

Lidija Petrovna *(gleda za Ženom koju nosi zemlja)*: Aha! Proletjela je! Uvalila se! Upala! U sam horizont je uronila! Mokro mjesto je ostalo! Cijelo nebo je crvenim poprskala!

Žena stoji iza leđa Lidije Petrovne.

Žena: Daj mi čizmu! *(Uzima čizmu, obuva se.)*

Lidija Petrovna: Znam tko si ti. Ti si nekakva prirodna pojava.

Žena: A zašto sam ja teta?

Lidija Petrovna: To ja ne znam. Ali ti nisi prava osoba. Ti... zašto je zemlja takva? Što je s njom?

Žena: Gornji sloj je skliznuo.

Lidija Petrovna: Gdje?

Žena: U ocean.

Lidija Petrovna: U kakav ocean?

Žena: Neobrazovana. Gdje Zemlja pliva?

Lidija Petrovna: Zemlja pluta u svemiru.

Žena: U svemiru, u svemiru. Petu sam odlomila zbog tebe.

Lidija Petrovna: Ona pluta u svemiru?! Vražja žena!

Žena: U oceanu ona pluta, Lida. Na tri stuba. Na njoj je koža pukla i spustila se. Ona je sada ponovno nova, glatka kao sočna jabuka, kao dječja kožica. (*Miluje zemlju.*) Uh ti, draga moja, uh ti, moj topla, hajde ne drhti, slatkice, ne boj se, ne boj se, nitko te neće više dirnuti...

Lidija Petrovna: Zašto se na tri stuba? Rečeno nam je - svemir, galaksija...

Žena: Galaksija... rekli su... tako da vam ne bude dosadno. Igračke su vam davali. Ipak imate mozak. Morate razmišljati. Dosadilo je. Sve! Dosta!

Lidija Petrovna (*gleda uokolo*): Gdje je sovhoz?

Žena: Sidi.

Lidija Petrovna: A gdje je... a gdje je sve?

Žena: Nestade!

Lidija Petrovna: A tko je ostao?

Žena: Ti.

Lidija Petrovna: Ja sama?!

Žena: Ti sama.

Lidija Petrovna: Za što?! Zašto si samo mene ostavila?! Uzmi me. Uzmi me... kao i sve! Gdje si ostale bacila, nosi i mene! Otrovnico! Podla! Uzmi!

Žena: A to ja uzimam?! A to ja mogu?

Lidija Petrovna: A tko?!

Žena: Tko, tko?! Kako ću znati tko?!

Lidija Petrovna: Tko radi sve ovo?! (*Ogledava se*)

Žena: Ne znam ja. (*Isto tako gleda uokolo.*) Hajdemo jaukati?!

Lidija Petrovna: Poslije. Dakle, ni ti ne znaš?!

Žena: Pa zašto ti ja ne bih rekla?! Ja bih ti odmah rekla, tako i tako je, on, znači, taj sam i radi... A ja ne znam.

Lidija Petrovna: Poslušaj. Moramo nešto učiniti. Hajdemo ga naći. Ja ne znam. Moramo nešto učiniti. A možda je ovo san?!

Žena: Naravno, san.

Lidija Petrovna: Svejedno, idemo, idemo, idemo.

Vuče za sobom Ženu.

Žena: Pa, kuda mi to idemo?!

Lidija Petrovna: Tražiti ga.

Žena: Koga?!

Lidija Petrovna: Onoga koji je ovo napravio!

Žena: Što je napravio?

Lidija Petrovna: Pa, gornji sloj je uklonjen i ostalo... idemo.

Žena: A kako ćemo ići?! Ti ju pogledaj, nju boli, po njoj hodati, ona se nije navikla.

Lidija Petrovna: Tko?!

Žena: Tko, tko?! Na kome stojiš?!

Lidija Petrovna: Ja stojim na zemlji.

Žena: A da na tebi stoje, što bi rekla?

Lidija Petrovna: Svejedno idemo. Mi ćemo oprezno. Na vrhovima prstiju.

Žena: Ali gdje da idemo?! Pa doći ćemo na kraj, tamo je ocean. Pa zaplivat ćemo. Gdje ćemo ti i ja, dvije žene.

Lidija Petrovna: Kao prvo ti nisi žena... ti... ja ne znam tko si ti. I drugo, moramo reći drugima. Ljudima.

Žena: Nema drugih Lida. Samo si ti ostala.

Lidija Petrovna: Zašto sam ja sama?! Kome?!

Žena: Meni.

Lidija Petrovna: Zbog tebe su me ostavili?

Žena: Pa. Ja sam te u jamu gurnula, da te ne bi odnijelo.

Lidija Petrovna: A što ću ja tebi?

Žena: Ja ne mogu bez tebe. Svi su pak umrli. Ti ćeš umrijeti, ja ću umrijeti. Ja sam zlo svijeta. Ja ljude žderem i radujem se, a sve ću požderati i sama umrijeti. Eto kakva sam ja. Ti si zadnja ostala. Ja ću te čuvati . Malo po malo ću jesti. Provedimo se! Ništa! Prostrano je ovdje! Svijetlo!

Lidija Petrovna se okrenula od Žene.

Što ti je? Lida! Lida! Ne ostavljaj me samu, ja sam breza! (*Zamrznula se u izvještačenoj pozi.*)

Lidija Petrovna: Ja neću živjeti.

Žena: Hoćeš. Imaš djecu. Muža.

Lidija Petrovna: Znači oni... postoje?

Žena: Da. Da.

Lidija Petrovna: Znači sve si lagala ? Oni postoje?

Žena: Da! Svi postoje! Sve samo zbog tebe, carice! Svi su, kao pravi! Ti si moja kraljica! Svi su kao živi! Samo nemoj umrijeti Lida, ha? Nemoj umrijeti? Ne čezni, dobro?

Lidija Petrovna: Čekaj, čekaj, oni postoje?

Žena: Kao pravi! Točno! Nećeš vidjeti razliku! Nećeš umrijeti, ha? Nećeš čeznuti?

Lidija Petrovna: Kao pravi? Moja djeca kao prava? Vovočka, Svetlanka, moj muž? I Aleksandr Ivanovič i Olja Čerkasova?

Žena: Nećeš vidjeti razliku!

Lidija Petrovna: A gdje ja živim?

Žena: Gdje hoćeš! Hoćeš vilu u centru?

Lidija Petrovna: Hoću onako, kako je bilo.

Žena: Kako je bilo, tako i je. Ispravno hoćeš. Pametnica. Nećeš umrijeti, ha? Nećeš čeznuti?

Lidija Petrovna: Ne. Ja ću živjeti. Ja ti ne vjerujem. Ne. (*Odlazi*)

Žena (*više iz pozadine*): Lida, Lida ne gledaj im dugo u oči. Nemoj se zagledati. Liduška, srčeko si moje krasno, dušice!

Zavjesa.

GRUPA PRIJATELJA

(drugi dio)

GLUMCI:

Lidija Petrovna

Aleksandr Ivanovič

Olja Čerkasova

Jelena Maksimovna

Gena Jeskin

Razvojni ured. Stolovi, crtači pribori, prozori, vrata, telefoni, ormari, ljudi. Početak radnog dana. Svi su na mjestima. Ulazi Lidija Petrovna.

Lidija Petrovna: Zdravo.

Neskladan zbor pozdrava.

Olja: Joj, ja više ne mogu!

Jelena Maksimovna (*strogo*): Olja!

Olja: Ne, neka Lidija Petrovna kaže. Lidija Petrovna, zašto mi živimo?

Gena: Ja znam zašto Olja živi!

Olja: Gena, Vas nisam pitala! Hajde više Lidija Petrovna!

Lidija Petrovna (*napeto*): Olja, prije niste postavljali takva pitanja.

Olja: Kad prije?

Lidija Petrovna: Do krumpira.

Olja: Prije krumpira, prije krumpira. Ostavio je dojam na tebe taj krumpir.

Aleksandr Ivanovič: Olja! Radite, molim vas. Ostalo vam je još dva dana, a crtež nije gotov.

Olja: Ma kakav crtež!

Jelena Maksimovna: Zanimljivo, Olja, vi se raspravljate! Svi rade, samo vi ne želite. A drugi, možda, također ne žele.

Olja: Želim. Ali ja želim znati zašto svi mi živimo? Pa zašto? Hajde više zašto?

Jelena Maksimovna: Kako misliš zašto? Vas nitko ne pita. Vi živite, zato što ste se rodili.

Olja: Ne, ja sam mlada, zbog toga sam zainteresirana. Znam da se neki mladi zanimaju za sve takvo. Dok sam mlada, ja želim biti zainteresirana. Bojim se starosti.

Elena Maksimovna: Pa, sad ste vi i odgovorili na svoje pitanje. Vi živite, da bi bili mladi.

Olja: Ma ništa si nisam odgovorila! A zašto onda vi živite?

Elena Maksimovna: To je moja stvar. Ja vam ne moram dati izvješće.

Aleksandr Ivanovič: Drugovi, drugovi, pričajmo tijekom pauze za ručak. Boli me glava, zapravo!

Gena: Mislim da mlade djevojke ne treba držati u kavezima.

Olja: U kakvim kavezima?

Gena: One ne moraju raditi u institucijama. Država bi trebala osigurati sredstva za zaštitu mladih djevojaka. One moraju kao cvijeće slobodno šetati poljima.

Lidija Petrovna (žurno): Ne, ne!

Pauza.

Gena: Zašto Lidija Petrovna?

Lidija Petrovna: Ha? Ma, to sam samo ja. Zapravo samo vodimo neobičan razgovor danas.

Elena Maksimovna: Olja misli da zato što je mlada smije biti hirovita u kolektivu.

Olja: Ma kakvi to hirovi, Elena Maksimovna. Jučer sam legla spavati, odmah sam se rastužila. Tako rastužila...

Lidija Petrovna: Zašto?

Olja: Slučajno sam pomislila: zašto ja živim? Cijelu noć sam plakala.

Gena: Bolest starenja.

Lidija Petrovna: Oh što je to? Čekajte, Olja, tuš vam se razmazao, dajte da pogledam.

Prilazi Olji prima joj lice rukama, okreće prema svjetlu, gleda joj u oči. Odstupa.

Živo, živo... do dna živo. Ništa se ne vidi.

Olja: Što vam je? Ruke vam se tresu. Što vam je, Lidija Petrovna? Jeste li dobro? Blijedi ste.

Lidija Petrovna: Ne. Svetočka je bolesna. Ima anginu. Zabrinuta sam.

Olja: Aleksandr Ivanovič!

Aleksandr Ivanovič: Pažljivo vas slušam, Olja.

Olja: Pustite Lidiju Petrovnu kući! Njezino je dijete bolesno.

Lidija Petrovna: Ne, ne, ja ne želim!

Aleksandr Ivanovič (blago): Idite, Lidja Petrovna. Svejedno nećete biti u stanju raditi.

Lidija Petrovna: Ja mogu!

Jelena Maksimovna: Ne možete. Jučer ste opet pogriješili u izračunima. Vi već odavno ne možete raditi. Nakon krumpira.

Pauza.

Olja: Pa, nije baš tako!

Lidija Petrovna: To nema nikakvo značenje. Svetočka će se oporaviti, ona ispire grlo, liječnik je naredio. Mene je samo strah da se Vovočka također ne razboli. To je sve.

Jelena Maksimovna: Svetočka ima anginu već mjesec dana?

Lidija Petrovna: Ne. Zašto mjesec?

Jelena Maksimovna: Zato što vi već mjesec dana niste svoji. Nakon...

Olja: Ja ne mogu slušati o krumpirima! (*Bježi, zalupivši vratima.*)

Aleksandr Ivanovič: U stvari, drugovi, kakva nervoza! Ostavimo jedni druge na miru. Lidija Petrovna, ako želite možete otići kući.

Lidija Petrovna (*tužno*): To neće pomoći.

Pauza.

Gena: Lidija Petrovna, ako želite, ja mogu skoknuti, kupiti nešto?

Lidija Petrovna: Što?

Gena: Namirnice. Vi nakon posla nećete morati žuriti u dućan.

Lidija Petrovna: To ne može biti.

Gena: Što?

Lidija Petrovna (*trese glavom, ustaje i odlazi polako do Gene Eskin*): To ne može biti.

(*Gleda Geni u oči.*) Živo, živo, do dna živo. Ništa se ne vidi.

Neugodna tišina.

Gena: Idem zapaliti.

Jelena Maksimovna (*značajno*): Ja ću s vama.

Odlaze.

(*Dovoljno glasno.*) Ostavimo ih same. (*Otišli su.*)

Aleksandar Ivanovič: Lidija Petrovna, što nije u redu?

Lidija Petrovna: Neću reći.

Aleksandr Ivanovič (*nježno*): Lidija Petrovna, što nije u redu?

Lidija Petrovna (*potvrđujući*): Slično.

Aleksandr Ivanovič: Što je slično Lidija Petrovna? I čemu?

Lidija Petrovna: Aleksandre Ivanoviču, vjerujem vam više... više, od svih.

Aleksandr Ivanovič: Znam.

Lidija Petrovna: Aleksandre Ivanoviču, recite mi, jeste li to vi?

Aleksandr Ivanovič: Nisam vas razumio, Lidija Petrovna.

Lidija Petrovna: Ja se ne mogu prevariti. Ja se ne mogu prevariti. (*Snizivši glas.*) Čak i u djecu sumnjam, razumijete li? Čak i sada me uznemiruju i žaloste moje srce. Ali vi ste kao i uvijek. Znam svoje osjećaje...

Aleksandr Ivanovič: Lidija Petrovna!

Lidija Petrovna: Čekajte! Ja znam svoje osjećaje, oni reaguju kada vidim vas. Razumijete li?

Aleksandr Ivanovič (*nježno*): Ne.

Lidija Petrovna: Reaguju, isto kao i prije. Razumijete li? Ne. Ne. Gdje su dokazi? Tko meni može dokazati da ste to vi? Vrlo je važno, shvatite. Ako ste to vi, onda ste vi, i ako su svi ostali svi, mene je poljska žena prevarila. Oh, Aleksandre Ivanoviču!

Aleksandr Ivanovič: Vi govorite u stihovima, Lidija Petrovna, ja vas ne razumijem, ali mi vas je drago slušati. Vi me uzrujavate, vi ste se promijenili nakon krumpira. Vas više neće slati na sovhoz, dajem vam riječ. Slati ću više mladih. Lidija Petrovna, također vam želim priznati...

Lidija Petrovna: Što?

Aleksandr Ivanovič: Vi ste mi tako lako ispričali o svojim osjećajima kako ja vama ne bih, a muškarac...

Lidija Petrovna: Ne!

Aleksandr Ivanovič: Da, Lidija Petrovna. A između ostalog, vidim vaše osjećaje već pet i više godina. I sve ove godine ste se skrivali. I danas samo tako, u prolazu vi razgovarate o tome... No, drago mi je neka bude tako... (*Približava se Lidiji Petrovnoj.*)

Lidija Petrovna: (*nije se u stanju pomaknuti s mjesta*). Što želite učiniti?

Aleksandr Ivanovič: Šuti Lidija. Moja Lidija.

Lidija Petrovna: Strašilo.

Pauza.

Želi me poljubiti strašilo. Maketa. Kopija Aleksandra Ivanoviča.

Aleksandr Ivanovič: Ja vas ne razumijem.

Lidija Petrovna: Svejedno mi je. Vi me čak ne možete ni otpustiti, zato što vas nema, razumijete li?

Aleksandr Ivanovič: Ne razumijem.

Lidija Petrovna: U tome i jest užas. Da me razumijete, vi bi bili.

Aleksandar Ivanovič: Ovo je... to je neka vrsta romantizma. Objasnite, molim vas.

Lidija Petrovna: Što vam mogu reći, ako vas više nema.

Aleksandr Ivanovič: Ali što je to, stvarno... Prvo Olja, onda vi.

Lidija Petrovna: Olje također nema.

Aleksandr Ivanovič (*smrknuo*): Ah... jadnica, jadnica...

Lidija Petrovna (*ljutito*): Što jadnica, što jadnica? Misliš da sam poludjela?

Aleksandr Ivanovič: Da.

Lidija Petrovna: To je najlakše!

Aleksandr Ivanovič: A što bih trebao misliti?

Lidija Petrovna: Dokažite mi da ste vi.

Aleksandr Ivanovič: Zašto bih vam ja to morao dokazivati?

Lidija Petrovna: Zato što, glupi čovječe, volim vas. Shvatite, vas jedinog na cijelom... na cijelom, pustom, čitavom svijetu... I ja sumnjam da vas nema.

Aleksandr Ivanovič (*uzrujano*): Nije li ona poludjela od ljubavi? Kako... loše...

Lidija Petrovna: Zamislite na trenutak da nisam poludjela. Dokažite da ste vi zapravo Aleksandre Ivanoviču! Ja vas molim.

Aleksandr Ivanovič: Ali kako mogu? To se i tako vidi.

Lidija Petrovna: Vanjština nije dokaz.

Aleksandr Ivanovič: Dodirnite me.

Lidija Petrovna: Ne, ne, to je lukavije, promišljenije. Napravljeno je tako da naš svijet točno ponavlja živi svijet, ali to nije živi svijet, to je kopija.

Aleksandr Ivanovič (*uzrujano*): Zašto?

Lidija Petrovna: Zbog mene. Da meni... ne bi bilo dosadno.

Aleksandr Ivanovič (*nakon pauze*): Ja jesam!

Lidija Petrovna: Dokažite!

Aleksandr Ivanovič: Pa, prije svega, moja majka je još uvijek živa...

Lidija Petrovna: Ne, ne, sve, majka je također kopija. Vi sami dokažite.

Aleksandr Ivanovič (*razmislivši*): Molim vas! (*Uzima džepni nožić, poreže si prst.*)

Lidija Petrovna: Oh! Krv!

Aleksandr Ivanovič: Pa, naravno! Lidija Petrovna... kao luđak, kao dječak, dokazujem vam...

Lidija Petrovna: To nije dokaz.

Aleksandr Ivanovič: No, ako ispitamo njezin sastav, vidjet ćemo da je prava.

Lidija Petrovna: Kao prava. Temeljita obrada...

Aleksandr Ivanovič: U susjednom odjelu je Kurnosova trudna. Njoj je u trbuhu isto kopija?

Lidija Petrovna: Kako vas nije sramota za takve prostote?

Aleksandr Ivanovič: Ne, odgovorite!

Lidija Petrovna: Još uvijek ne možete shvatiti što želim reći. Kopije su svi, osim mene.

Aleksandr Ivanovič: Osim vas?

Lidija Petrovna: Osim mene.

Aleksandr Ivanovič: Želite na odmor? Put u Soči?

Lidija Petrovna: Zašto? Crno more je laž. I sad se ni ne može kupati. Hladno je.

Aleksandr Ivanovič: A što se točno dogodilo?

Lidija Petrovna: U kojemu smislu?

Aleksandr Ivanovič: Gdje smo svi mi otišli?

Lidija Petrovna: Vi to nećete shvatiti.

Aleksandr Ivanovič: Pa vi objasnite.

Lidija Petrovna: Vi ste skliznuli s gornjeg sloja zemlje u ocean. Preživjela sam samo ja i još jedna... liči na ženu. Ona je zlo svijeta. Ne može bez mene, a vas je stvorila da meni ne bude dosadno. Ona je rekla da ćete točno ponavljati prave...

Aleksandr Ivanovič: Lidija Petrovna, zar vas nije sram?

Lidija Petrovna: Zašto?

Aleksandr Ivanovič: Nešto ženi vjerujete više nego... nego kolegama.

Lidija Petrovna: Aleksandre Ivanoviču, ja sam ta koja je ubila sve.

Aleksandr Ivanovič: Ah, tako. Kako to?

Lidija Petrovna: Zadatak je bio ovaj: uhvatiti Ženu, zlo svijeta, a poslije toga bi na zemlji bio raj, pa, znate, svi bi bili sretni, ne bi se svađali, svi bi imali sve, i tako dalje... Ali ako lovite ženu i ne uhvatite ju, svi na zemlji će poginuti.

Aleksandr Ivanovič: I vi...

Lidija Petrovna: Nisam shvatila.

Aleksandr Ivanovič: Kako ste i mogli... tko vas je ovlastio... neodgovorno, bez pripreme, vi razumijete što ste učinili? Lovite ženu, ne znajući što će proizaći iz toga.

Lidija Petrovna: Dakle, to znači da vas nema?

Pauza.

Aleksandr Ivanovič: Vi ste me zbunili. (*Tjeskobno.*) Jeste li sigurni da sve to što se dogodilo nije bio san, nesvjestica?

Lidija Petrovna: Da.

Aleksandr Ivanovič: Pogledajte me. Pažljivije. Nisam vam čudan?

Lidija Petrovna: Vi ste isti.

Aleksandr Ivanovič: Pažljivije. Nešto se promijenilo u meni?

Lidija Petrovna: Zašto ste mi tako lako povjerovali?

Aleksandr Ivanovič: Doista. (*Poraženo.*) Doista.

Gledaju jedno drugo.

Zato što sam vam sklon.

Lidija Petrovna: Ne. Zato što vas nema. Kopijama je svejedno. Dokažite da vi postojite.

Aleksandr Ivanovič: Meni nije svejedno. Dajte da pozovem prijatelje.

Lidija Petrovna: Kojih nema.

Aleksandr Ivanovič: Pa... kopije.

Žustro ulazi Jelena Maksimovna.

Jelena Maksimovna: Oprostite dragi prijatelji, ali to je više od mojih sila!

Aleksandr Ivanovič: Šutite, bivša Jelena Maksimovna.

Jelena Maksimovna: Ne pada mi na pamet!

Aleksandr Ivanovič: (*Nezadovoljno*) Previše detaljna kopija!

Lidija Petrovna: Nemojte se smijati!!!

Jelena Maksimovna: Sve sam mogla očekivati... sve!

Aleksandr Ivanovič: Tko vas je zamolio?

Jelena Maksimovna: Što?

Aleksandr Ivanovič: Očekivati. Zlonamjerno stvorenje. Sada, kada je postalo jasno da vas nema, ja ću vam reći čistu istinu: vi ste zla, maloumna, nesretna žena koja puši!

Jelena Maksimovna: Što ćete reći kada saznate što sam ja?

Aleksandr Ivanovič: Lidija, što ona govori?

Lidija Petrovna: Jelena Maksimovna, draga, dokažite da postojite.

Aleksandar Ivanovič odlazi od njih i zove na telefon.

Uvijek si bila tako razumna, čvrsta, samouvjerena žena. Vi ste sve znali.

Jelena Maksimovna: Ja postojim.

Lidija Petrovna: Je li to sve?

Jelena Maksimovna: Meni je dovoljno. Pogledajmo što ćete zapjevati na sastanku...

Lidija Petrovna: Kojeg neće biti.

Jelena Maksimovna: U srijedu, draga moja, u tri i trideset! Odaziv je obvezan.

Ulaze Olja i Gena.

Njih također nema?

Lidija Petrovna: Aleksandre Ivanoviču, dajem vam časnu riječ da nećete biti u mogućnosti sve to pretvoriti u šalu. Znam da ste upravo nazvali hitnu pomoć. Još uvijek mislite da sam luda... ali neću ići u bolnicu, jer to ne želim, ja ću biti s vama, ja ću živjeti kao što sam živjela, sve dok vas nisam uništila svojom drskom maštom o sveopćoj sreći...

Sveopća tišina.

A vi, Olja, vi ste tako mladi, slatki, hiroviti, ali mene, iskreno, nimalo ne vrijeđa što ste vi mladi, a meni su se svidjeli vaši hirovi. A Gena, on vas je volio, Olja, vjerujte mi...

Olja: Lidija Petrovna, što se dogodilo?

Jelena Maksimovna: Nas nema.

Olja: U kojem smislu?

Jelena Maksimovna: U pravom.

Olja: Oh, kako zanimljivo! Gena, nas nema!

Jelena Maksimovna: Zar ne razumijete? Ona nas je sve uvrijedila.

Lidija Petrovna: Ja nisam vrijeđala. Ja nisam vrijeđala. Bolje mislite da sam bolesna, luda, ali ja nisam vrijeđala, vjerujte mi, dragi drugovi... kopije.

Jelena Maksimovna: Jeste čuli?!

Gena: Lidija Petrovna, ne brinite se. Vi ćete ozdraviti, ja ću dolaziti k vama, kupovati jabuke. Volite jabuke. Ne znam što bih rekla. Čujete li me? Razumijete li?

Lidija Petrovna: Pa dobro. Imamo nekoliko minuta. Prije dolaska „hitne“. Tko može dokazati da postoji? Onaj tko mi to može dokazati, izliječit će me bez bolnice.

Gena: Mogu li ja?

Lidija Petrovna: Naravno, Gena.

Gena: Ja sam, Lidija Petrovna, drugu godinu kod vas. Nakon instituta. Sviđa mi se naš kolektiv, naša grupa. Našao sam u njoj obitelj, čak i u Jeleni Maksimovnoj. Ja ne želim da bolujete.

Jelena Maksimovna: Da, nitko to ne želi, zapravo!

Gena: Ja mislim tako. Ako svih nas nema, ali ima nekih sličnih nama, stvorenima da mijenjaju nas prave... dobro sam shvatio vašu misao?

Lidija Petrovna: Ispravno. Naš svijet točno ponavlja stvarni svijet, koji je umro.

Gena: ...a te sličnosti...one ne mogu... ne mogu skočiti same preko sebe...

Lidija Petrovna: U kojem smislu?

Gena: Te sličnosti su programirane tako da nas ponavljaju do svih detalja, da?

Lidija Petrovna: Da, Gena, da! Oprezno! Razmislite! Nemojte otjerati ideju! Genočka!

Gena (*smiješi se vedro*): Nema se tu ništa otjerati, Lidija Petrovna. Znae me dvije godine. Da?

Lidija Petrovna: Da.

Gena: Ja sam dobar mladić. Da?

Lidija Petrovna: Nesumnjivo.

Gena: Prije šest mjeseci ste izgubili novčanik. Sjećate li se?

Lidija Petrovna: Da.

Gena: Taj novčanik sam ukrao ja.

Pauza.

Lidija Petrovna: Novčanik?

Gena: Novčanik.

Lidija Petrovna: Vi?

Gena: Ja.

Jelena Maksimovna: Ali zašto?

Lidija Petrovna: Gena. Gena. Gena. Ispričavam se, Gena. Mili, Gena, mili. Ispričavam se. No, to nije dokaz.

Sveopće prosvjedovanje.

Gena: To je dokaz, Lidija Petrovna, jer sada ne mogu živjeti. Niti kao kopija ili kao pravi Gena Jeskin. Ja sam se uništio ovim priznanjem. (*On želi otići.*)

Lidija Petrovna: Stanite! Ako... ako ste kopija, trebalo bi vam biti svejedno.

Gena: A meni nije svejedno.

Lidija Petrovna: Ne zanima me novčanik, tim više što to niste bili vi, nego pravi Gena. Vi ne odgovarate za njegove postupke, Gena.

Gena: Odgovaram. Zato što su mene napravili od njega...

Pauza.

Lidija Petrovna: Vi ste tvrdoglav čovjek, uvijek sam to znala.

Gena: Pa dobro, ja ću ostati s vama malo. Teško mi se rastati od vas.

Olja: Koja noćna mora.

Gena: Maknite se od mene, Olja. Ja ću vas opljačkati. Sada želim krasti. Pir poroka prije smrti.

Olja: Kradite, molim vas, ja imam tri rublja.

Gena (*od boli*): Ni nje nema? Naše Oljice također nema?

Lidija Petrovna: Ako može dokazati da to je ona.

Olja: Barem je to zanimljivije nego trunuti nad crtežima. Ja ću vam dokazati da postojim. Ja postojim, jer... prvo... samo se nemojte smijati! Ako vam se učini glupo, svejedno se ne smijte!

Gena: Nećemo se smijati!

Olja: Gena je priznao da je lopov. On misli da je to najveći dokaz ljudskosti.

Gena: Ne mislim da...

Olja: Šutite. Sad se izravno postavlja pitanje i svi ga morate odgonetnuti. Eto ja živim!

Jelena Maksimovna: Opet po starom...

Olja: Da, Jelena Masimovna, vama se zbog nečega ne sviđa to pitanje. A meni se sviđa. Kao da sam jučer osjetila da će se sve to danas dogoditi. Ja živim. I meni je dosadno. (*Lidiji*

Petrovnoj.) Rekli ste da su te kopije napravljene tako suptilno da ponavljaju svu bit živog čovjeka?

Lidija Petrovna: Da.

Olja: Pa, dobro. Meni je dosadno živjeti. Drago mi je što je u mene zaljubljen Gena. Osjećam simpatije (*gesta prema Lidiji Petrovnoj*) i antipatije (*gesta prema Jeleni Maksimovnoj*). Ali ja znam da to još nije život. Ja, naravno, nemam nikakav uvjerljiv dokaz, kao što ima Gena, nisam učinila ništa značajno, ali duboko sam uvjeren da živim, da sam stvarna i da nisam nikakva kopija...

Gena: Ja sam također siguran, Oljice.

Olja: Reci mi, mogu li se kopije razmnožavati?

Lidia Petrovna: Naravno.

Olja: Onda ne znam kako drugačije dokazati. (*S prijekorom*) Lidija Petrovna, ne bi li vi mogli razmisliti o nama? Lidija Petrovna?

Lidia Petrovna: Jelena Maksimovna, ostali ste samo vi. Ne rugajte se. Pitanje je tako kritično. Pokušajte dokazati ako možete.

Jelena Maksimovna: Ne pada mi na pamet.

Lidija Petrovna: Jelena Maksimovna!

Aleksandr Ivanovič: Čekajte, Lidija Petrovna, Gena me uvjerio.

Lidija Petrovna: Uvjerio?

Aleksandr Ivanovič: Pa, naravno. To nije smiješno priznanje. Na njega je sposoban samo čovjek.

Gena: Hvala vam.

Aleksandr Ivanovič: Ako ćemo slijediti princip sramotne ispovijedi, ako one služe kao dokaz, onda sam...

Lidija Petrovna: Ne nužno. One ne služe kao dokaz. Možete se uvjeriti sami.

Aleksandr Ivanovič: Kako to? Zar vam nije svejedno po čemu se prepoznaje kopija?

Lidija Petrovna: Ne

Aleksandr Ivanovič: Onda priznajte što smo mi.

Lidija Petrovna: Ne.

Aleksandr Ivanovič: Onda slušajte. Ja sam čudovište.

Jelena Maksimovna: To nje nema.

Pauza.

Lidija Petrovna: Što?

Jelena Maksimovna: Neka sama dokaže da ona postoji.

Lidija Petrovna: Zašto ste čudovište?

Aleksandr Ivanovič: Doista. Dokažite da vi postojite.

Lidija Petrovna: Ja? Zašto? Ja znam što sam.

Jelena Maksimovna: Svatko zna.

Lidija Petrovna: Ali ja to doista znam.

Jelena Maksimovna: Svi doista znaju.

Lidija Petrovna: Radi se o tome da se ta ideja rodila u meni.

Jelena Maksimovna: U živoj se osobi ona neće roditi.

Lidija Petrovna: Što?

Jelena Maksimovna: To tebe nema. Tebe su zamijenili kopijom.

Lidija Petrovna: Mene?

Jelena Maksimovna: Tebe.

Lidija Petrovna (mrmlja): Ti bi istrunula, kao krumpir u blatu, a svi bi procvjetali kao nebeski anđeli, kao jabuke, božji cvjetići.

Jelena Maksimovna: Gle, gle... tebe su ubili...

Lidija Petrovna: Oh! Tetkice. Nije me stegnulo. Moje srce. Nije bolno. Ali vi, osim ako vi stvarno jeste nebeski anđeli?

Jelena Maksimovna: Mi i jesmo.

Lidija Petrovna: Božji cvjetići?

Jelena Maksimovna: A tebi zavide?

Lidija Petrovna: Ali ja to ne vidim.

Jelena Maksimovna: Ne znaš. Mrtva si.

Lidija Petrovna: Da? Da? Je li to istina? Vi postojite? Vi svi postojite? Znači, nisam vas ubila?

Jelena Maksimovna: Ne, nisi ubila. Sebe si ubila. A mi smo živi.

Lidija Petrovna: O bože moj... bože moj, znači svi žive? Svi, cijeli svijet!

Jelena Maksimovna: A ti ne živiš! Ti ležiš u zemlji, truneš!

Lidija Petrovna: Cvjetići, anđeli. Sreća!

Zavijanje sirene hitne pomoći.

Samo moje, samo se moje srce zaustavilo. Ja sama, samo ja ležim u vlažnoj, dubokoj zemlji, i svijet cvjeta, sretno, sretan, živ! Zbogom, dragi! Živite dugo, bogato, ljubite, rađajte, radite i odmarajte! Zbogom!

Lidija Petrovna bježi. Nijema scena. Zvoni telefon.

Jelena Maksimovna (*u slušalicu*): Konstrukcijski ured, recite. Ona... ona je izašla. Što? Jasnije, molim vas. Što je obećala? Kakve čarape? Tko je to? Kakva tetica? Oh! (*Hvata se za srce. Kratki tonovi u slušalici.*)

ZAVJESA

(VOSTRJAKOVO 1981.)

5. Заключение

Нина Николаевна Садур действительно не принадлежит ни к какому жанру, она создала свой собственный. Ее стиль объединяет русскую реальность с мифологией и мистиком, религией и философией. Она вжилась с классикой русской литературой, с произведениями Гоголя и превратилась в опытную писательницу, сценаристку и режиссера. К счастью, стиль письма у Нины Садур прост и легко читается, поэтому у меня не было никаких проблем в процессе создания перевода. Проблема лишь была в том, как перенести эмоции, которое Садур создает, и я надеюсь, что мне это в конце удалось.

Литература

- Zekulin, Nicholas. „Soviet Russian Women’s Literature in the Early 1980s.” в Goscilo, H., *Fruits of her plume*, New York, Taylor & Francis Group, 2015.
- Kaysarov A., Славянская и российская мифология, в: Kaysarov, A., Glinka, G., Rybakov, V., *Мифы древних славян*, Саратов, Надежда, 1993
- Лотман, Ю. М., *В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гогол*, Москва, Просвещение, 1988
- Скатов Н.Н, *Русская литература XX века: Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь*, ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005.
- Толстой, Н.И.,(общ. ред.), *Славянские древности: этнолингвистический словарь* в 5 т.: в 3 т., Москва, Международные отношения, 1995

- Алексеева, Е. 39 классиков и 2 чудные бабы, *Современная драматургия*, 1993, № 2.
- Воробьёва, Т.Л., Поэтика пьесы Нины Садур Чудная баба: мистико - мифологические мотивы и образы, *Вестник Томского государственного университета*, 2015, №3
- Collopy, Erin, Qualin, Anthony Сашбаш и люди из холодильника: Александр Башлачев В „Чудесных знаках спасенья” Нины Садур, *Русская рок-поэзия: текст и контекст*, 2007, № 9. <http://cyberleninka.ru/article/n/sashbash-i-lyudi-iz-holodilnika-aleksandr-bashlachev-v-chudesnyh-znakah-spasenya-niny-sadur>
- Драматургия, Об авторе: Нина Садур, 2014, № 6, <http://drammaturgia.org/39-nina-sadur-letchik-stra-2.html>
- Мещанский, А. Ю, Художественная интерпретация гоголевских образов в творчестве Н. Садур,. *Вестник северного (арктического) федерального университета*, 2010, № 1
Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки
- Kakaševski, V., *Majka vlažna zemlja*, 2007.
(<http://www.starisloveni.com/MajkaZemlja.html>)

- Логвинова, Ирина, Нина Садур: Литература-не корыто для всеядного литлюда, Lib.ru/Современная литература, 09.11.2010., http://lit.lib.ru/s/sadur_n_n/text_0100.shtml
- Садур, Н. Н., Чудная баба, Lib.ru/Современная литература, 26.06.2010., http://lit.lib.ru/s/sadur_n_n/text_0030.shtml
- Ульченко, Евгения, *Загадочная писательница, с которой не дружат*, газета *Труд*, 15.10.2003. <http://www.sem40.ru/famous2/m873.shtml>

Sažetak

Ovaj rad sadrži prijevod i analizu kazališnog komada Nine Nikolajevne Sadur pod nazivom *Čudesna žena*. To je ujedno i njezino prvo djelo koje je izvedeno na pozornici, a kasnije je i prvi zbornik njezinih djela nosio ime *Čudesna žena*. Napisana u Moskvi, za vrijeme dok je autorica pohađala sveučilište, ne spada ni u jedan konkretan žanr, već isprepliće rusku svakodnevicu sa staroslavenskom mitologijom, mistikom i folklorom. Spaja tearar apsurda sa ruskim realizmom i fantastikom.

Ključne riječi

Nina Sadur, *Čudesna žena*, mitologija, mistika, Lidija Pertovna

Ключевые слова

Нина Садур, Чудная баба, мифология, мистика, Лидия Петровна

Životopis

Ja, Ivana Homa, rođena sam 5.5.1987. godine, u Slavonskom Brodu. Osnovnu školu *Blaž Tadijanović* pohađala sam u Podvinju, nakon toga sam upisala Gimnaziju *Matija Mesić*, matematički smjer. Po završetku sredne škole, upisala sam dvopredmetni studij Filozofskog fakulteta u Zagrebu, smjer Povijest umjetnosti i Ruski jezik i književnost. Nakon završetka preddiplomskog studija, upisala sam diplomski studij, sa užom specijalizacijom, na ruskom sam odabrala prevođenje, a na povijesti umjetnosti zaštitu spomenika. Uz studij sam većinu vremena i radila, isprva u Tehničkom muzeju, zatim u restauratorskoj radionici Industrijska arheologija. Imam iskustva i u volontiranju na različitim događanjima, a trenutno radim kao administrator u Hrvatskoj banci za obnovu i razvitak. Povremeno prevodim tekstove s/na engleskog i ruskog, te bih u budućnosti htjela posjetiti Rusiju i usavršiti svoj izgovor.